

ТРАВМА ПАМЯТИ. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ ПАМЯТИ СРЕДИ НЕМЦЕВ СИБИРИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

DOI: 10.25629/НС.2019.02.05

Никольский С.С.

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова. Россия, Москва

Аннотация. В данной работе проведен анализ современного контекста памяти о репрессиях и депортациях у немцев Сибири и Южного Казахстана. Источником для написания послужили полевые материалы пяти экспедиций 2014-2017 гг. В ходе исследования были подробно рассмотрены отдельные категории так называемых профессиональных агентов памяти, выявлены этнические особенности памяти о репрессиях и травмы памяти у обозначенной этнокультурной группы. Подобная направленность исследования обусловлена необходимостью выработки правильного подхода к проблеме памяти о травмирующем прошлом; категоризация и характеристика субъектов, не только хранящих, но и транслирующих эту память позволяет в ближайшей перспективе найти те средства для разговора об этом прошлом, которых так не хватает современному обществу.

Ключевые слова. Российские немцы, немцы Казахстана, травма памяти, депортация, репрессии, профессиональные агенты памяти.

Введение

Известный французский историк Пьер Нора писал: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления» [11].

Таким образом, любые исследования памяти, какая бы общность не была предметом интереса авторов, должны обращать особое внимание на внешние факторы, влияющие на ход процессов, связанных с коллективной памятью. Ключевую роль играет контекст конструирования мемориального нарратива.

Особенно ярко эта необходимость проявляется, когда предметом интереса ученого становится память общности, чье прошлое носит отчетливо травмирующий характер. Травма в такой ситуации может выражаться, в «переживании, которое оказывает разрушительное воздействие на память и может делать ее особенно уязвимой при отражении каких-либо событий» [21]. В последние годы это явление широко изучается европейским научным сообществом; в качестве событий, провоцирующих травму, учеными выделяются такие события, как революция или государственный переворот, радикальные экономические реформы и экономический кризис, иностранная оккупация, принудительная эмиграция / депортация, геноцид, убийства, акты террора [19].

Для того чтобы прийти к коренному пониманию процессов, происходящих как с памятью в целом, так и с памятью травматической, в частности, необходимо охарактеризовать ее трансляторов или «агентов памяти». Несмотря на общую их малочисленность, внутри себя эта страта необычайно многообразна и включает в себя людей разной степени вовлеченности, имеющих к дискурсу как прямое, так и опосредованное отношение.

Основу данной работы составили материалы пяти экспедиций. Четыре из них прошли в Томской и Кемеровской областях в период с лета 2014 по зиму 2017 годов. Пятая состоялась в рамках антропологической школы в Южном Казахстане в июле 2016 года. Непосредственным объектом исследования стали немцы России и Казахстана, для которых обозначенная выше проблематика носит особую актуальность.

Прежде всего, можно выделить непрофессиональных и профессиональных агентов памяти о репрессиях и депортациях. Под последними следует понимать тех, кто не только обладает этой памятью, но и, в силу своей профессиональной принадлежности и соответствующих ей обязанностей, может и должен транслировать ее на незаинтересованное большинство. К типичным представителям этой группы носителей среди прочих относятся преподаватели средних и высших учебных заведений, а также краеведы и работники музеев.

Все эти люди имеют определенное мемориальное преимущество в сравнении с теми, с кем им приходится работать по долгу службы. В связи с этим особенно важным видится правильная трактовка этих преимуществ, трезвый взгляд на особенности мемориальной трансляции у самих профессиональных агентов и у их аудитории. Не менее интересным представляется и сравнение подходов к этому вопросу среди представителей разных слоев профессиональных агентов.

Именно профессиональные агенты являются одной из главных консервирующих, а зачастую даже конструирующих сил мемориального нарратива. Необходимым видится выявление характера активности профессиональных агентов и степени их взаимодействия с официальной политикой памяти. Кто эти люди? В чем они видят свою роль? Уполномочены ли они быть проводниками памяти, или работа с народом – их кредо, сугубо личная инициатива?

Предваряя основные рассуждения, констатируем, что, взаимодействуя с другими людьми, профессиональные агенты памяти превращают последних в своих невольных «коллег», вовлекают их тем самым в дискурсивное поле травматической памяти. При этом, в зависимости от рода деятельности носителя-информатора, зачастую меняется и характер транслируемых им сведений. Каждый из профессиональных агентов имеет свои методы трансляции памяти, свой подход к работе с памятью. При этом в данном контексте слово «работа» – не случайная метафора, а буквальное обозначение их деятельности.

Профессиональный агент самым серьезным образом влияет на восприятие слушателя, однако влияние одних агентов не будет таким же, как влияние, оказываемое на потенциального носителя, агентами из иной профессиональной среды. В связи с этим удобным представляется анализ отдельных категорий агентов памяти, быть может, даже выявление профессиональной специфики памяти о репрессиях. В качестве объектов этой работы выступают два наиболее часто встречающихся типа профессиональных агентов памяти – агенты-преподаватели и агенты-музеееды.

Агенты-преподаватели

Профессиональные агенты памяти о репрессиях, относящиеся к категории преподавателей в школах и вузах – явление достаточно распространенное, в особенности, если мы говорим о специалистах-историках. Вне зависимости от региона и периода специализации последние просто не могут не знать о событиях сталинского террора и послевоенных лишениях. При этом немаловажным является то, что они, безусловно, оставляют за собой право самостоятельной трактовки событий тех лет. Зачастую они оказывают прямое влияние на свою аудиторию: молодежь либо импонирует им, и тогда буквально впитывает их идеи, либо безразлично / негативно относится к профессиональному носителю.

Эффект от подобного восприятия зачастую ничуть не менее ощутимый, однако носит диаметрально противоположный характер. Так, одна из моих томских собеседниц связывает свое увлечение семейной историей не с семейными традициями, а с проектами, организованными ее школьным учителем, которого она наделяет весьма харизматичным характером. В университете ее мемориальная активность, по собственным наблюдениям, сошла на ноль – преподаватель по истории на непрофильном факультете относился к своей работе весьма формально⁵. Еще одна информантка, студентка первого курса, связывает выбор своей специальности (отделение антропологии, изучение истории российских немцев) с деятельностью завуча своей

деревенской школы, этнической немки⁵. В алматинском немецком доме о подобных ситуациях, заверив меня в их регулярном характере, мне рассказал эксперт по молодежным вопросам Артур Бартель⁴.

Последнее обстоятельство представляется особенно существенным, ввиду того, что профессия педагога в наши дни все чаще теряет престижность в глазах молодого поколения, средний возраст учителей увеличивается. Немногочисленные молодые специалисты на местах редко остаются работать в районных школах и вузах, стремясь уехать в крупные города или за границу. Вместе с тем, уже среди старшего поколения все чаще наблюдается отчетливая ностальгия по прошлому, порою безобидная, порою же весьма агрессивная, порождающая шаблонные конструкты вроде «При Сталине такого не было!», «Сталин бы их быстро к стенке поставил!» и так далее. Вслед за ними, ссылаясь на преподавательский авторитет, следующее поколение также нередко переосмысляет травматический опыт своей семьи под не вполне типичным для подобной ситуации углом. Так, даже среди немцев России и Казахстана в последние годы встречается трактовка политики Сталина в русле дискурса «эффективного менеджмента»: «Да, репрессированных много было, очень много. Но ведь он за считанные годы из отсталой аграрной страны индустриальную державу отбахал»⁴.

Таким образом, при работе с такого рода респондентами всегда важно обращать внимание на их политические взгляды и исторические идеалы, которые те осознанно или неосознанно транслируют на свою аудиторию вместе с информацией о тех или иных исторических событиях и явлениях. В этой связи актуальным кажется замечание Хальбвакса: «Наше сознание словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света» [17]. Впрочем, при работе с темой репрессий, необходимо отдавать себе отчет в том, что ее травматическая специфика практически исключает беспристрастную и незмоциональную подачу материала.

Агенты-преподаватели чаще всего оказываются первыми профессиональными носителями памяти о репрессиях, с которым сталкивается человек в своей жизни. Более того, существенная часть потенциальной аудитории учителей и профессоров происходит из неангажированной среды. Рассказы лектора для таких, как они – первый опыт восприятия столь серьезной и травматической темы. Нередко для некоторых слушателей этот опыт оказывается определяющим. Яркое подтверждение тому – анкеты, присланные мне учащимися средних и высших учебных заведений Томска и Новокузнецка. В них многие респонденты подмечают, что впервые столкнулись с темой сталинского террора именно на школьной скамье². Несколько слушателей курсов немецкого языка в немецком доме Шымкента так же рассказали, что тематика депортации стал для них актуальной, благодаря обсуждениям, которые практически спонтанно родились в процессе обучения⁴. В данной ситуации, впрочем, агент-преподаватель выступает не в роли инициаторов разговора, а в качества своеобразного катализатора, человека, создающего условия для дискурса.

Совершенно особую роль в системе взаимоотношений агентов-преподавателей и их аудитории играют ангажированные профессионалы: учителя, чьи предки пострадали от машины репрессий. Именно они, как правило, считают необходимым рассказать о событиях тех лет своим ученикам, чей возраст на момент прохождения темы уже позволяет должным образом их воспринять. Так, одна из моих собеседниц сравнивает двух своих учительниц, первая из которых, по-видимому, относилась к потомкам ссыльных: она посвятила событиям конца двадцатых – начала тридцатых годов несколько уроков, сопровождаемых воспоминаниями репрессированных и фотоматериалами. В то же время ее коллега, пришедшая к ней на смену, не считала нужным выходить за рамки школьной программы и ограничилась пересказом главы учебника¹. Впрочем, не стоит считать, что каждый подобный профессионал будет транслировать на свою аудиторию травматические моменты прошлого, особенно, если это прошлое мощным катком проехало по его семейной истории. Так, одна из моих информанток, бывшая

учительница сельской школы, усомнилась, что все ее бывшие ученики знают не то что про ее трудоармейское прошлое, а даже про ее принадлежность к числу российских немцев³.

Впрочем, учебные занятия (будь то урок истории или курсы иностранного языка) далеко не всегда транслируют соответствующий дискурс память в полном объеме. В России большая часть школ строго следует спущенной из министерства программе. В составленных в соответствии с ней учебниках теме репрессий уделен один абзац в рамках раздела о внутренней политике СССР 1930-х годов. Со слов бывших и нынешних школьников, представленные в нем данные – сухая безоценочная фактология, очевидно не дающая должного представления о масштабах явления. Ошибкой, впрочем, было бы рассуждение о безусловном табуировании темы. Отдельные проявления инициативы в актуализации дискурса репрессий в учебных заведениях хоть и редки, но, как правило, не подавляются вышестоящими инстанциями. Преподаватели зачастую становятся заложниками не грозных чиновников, а учебных планов, нарушение которых кажется немислимым для многих представителей профессии.

Именно поэтому преподаватели, подобные первой учительнице одной из моих респондентов, все реже встречаются среди неангажированных, то есть не обремененных личной семейной трагедией, носителей памяти. Большая часть тех учебных заведений, которые мне пришлось посетить в ходе сибирских экспедиций, в принципе, с большой опаской относится к любому отклонению от заданного центром курса. Ссылаясь на потенциальные проблемы с финансированием или возможные проверки, они боятся любых сторонних инициатив (в том числе и распространения анкет среди учащихся). Эти не всегда оправданные страхи губительным образом сказываются, в том числе, и на поддержание памяти о репрессиях в рамках учебного курса. Память оказывается бессильна перед стеной номенклатуры, и лишь дополнительные стимулы (например, ангажированность одного из педагогов) способны вызвать толчковый эффект, дать ход процессам памяти в стенах класса. Вырисовывающаяся тенденция ангажированности освещающих тему репрессий агентов-преподавателей имеет, однако, свои интересные исключения. Так, та же самая приверженность школьной администрации указаниям из центра в ряде случаев способствует искусственной актуализации дискурса памяти.

В соседнем Казахстане ситуация выглядит несколько иным образом. Большая часть учеников для 9 класса подразумевают раскрытие тематики репрессий и депортаций в рамках главы об общественно-политической жизни в бывшей советской республике в 1930-ые годы. При этом речь идет не об одном абзаце, а о целых разделах, изобилующих оценочными суждениями и безусловной критикой периода. Так, среди прочих, в названиях подпунктов встречаются формулировки «тоталитарный, казарменный характер социализма», «политические репрессии национальной интеллигенции», «сталинские лагеря» и т.д. [22]. Тот факт, что подобные вопросы в принципе поднимаются в школьных изданиях с одной стороны вынуждает затрагивать эту тему на уроках учителей, формально подходящих к своим обязанностям, а с другой легитимирует действия тех инициативных представителей профессии, которые освещают дискурс и без санкций государства и департаментов образования.

Не игнорируется дискурс репрессий 1930-х годов в Казахстане и на уровне высшего образования. Причем, если его проработка в Казахстанско-немецком университете Алматы и мой подробный разговор об этом с одним из ведущих преподавателей факультета социальных и политических наук⁴ отнюдь не удивительны, то осведомленность неангажированных студентов Южно-казахстанского государственного университета уже показательна³. Безусловно, нет оснований говорить об особом фокусе на травматическом прошлом немцев Казахстана: их память ложится в общий контекст равнодушия к эпохе сталинского террора. Таким образом, стоит констатировать, что, по крайней мере на первый взгляд, в образовательной области в Казахстане складываются позитивные условия для поддержания памяти о травматических событиях прошлого. Выяснить так ли это в действительности – важная задача этой части исследования.

Вне зависимости от актуальной ситуации, ключевую роль в поддержании памяти приобретают популярные в обоих регионах конкурсы генеалогических изысканий. Основной их аудиторией становятся школьники и, как следствие, их педагоги. Зачастую используемые чиновниками в качестве повода поставить галочку в одной из граф поквартального отчета, программы эти год от года подталкивают подростков заняться изучением своих семейных архивов. Многие собеседники, как в Сибири, так и в Казахстане, вспоминали, что именно благодаря таким программам они сами смогли открыть доселе неизвестные семье истории из жизни своих прабабушек и прадедушек^{1,4,5}. Неудивительно, таким образом, что именно в результате подготовки подобного рода конкурсных работ, подростки нередко натываются на материалы, напрямую связанные с репрессиями сталинских времен.

При этом генеалогические программы отнюдь не всегда носят столь узко направленный тематический характер; напротив – тематика репрессий и депортации носит отчетливо травматический характер и редко инициируется выше стоящими инстанциями как заглавный элемент конкурса. Поэтому чиновники выбирают размытые и обобщающие формулировки, но латентная сопричастность широких масс дискурсу, как нить Ариадны, приводит иногда и во все ничего не подозревающих подростков к шокирующим эпизодам их семейной истории. Травматический аспект, традиционно считающийся преградой для сохранности памяти, в случае с молодым поколением нередко представляется, таким образом, своеобразной красной тряпкой, лишь стимулирующей их дальнейшую вовлеченность в проблему. Они не могут просто отмахнуться от внезапно свалившейся на их головы информации, а их неизбежная рефлексия транслируется и распространяется на их окружение.

Как итог, неизбежным образом вливаются в процесс и курирующие их преподаватели. Последние, позанимавшись темой всерьез, нередко решаются впоследствии и на проведение соответствующих уроков в школе. Так, учительница истории одной из школ Таштагола стала возить своих учеников в музей Усть-Кабырзы именно после исследовательской работы одной из своих выпускниц², а преподавательницу курсов немецкого языка в Томске на обсуждение соответствующей темы в рамках обучения вдохновило участие в соответствующем конкурсе ее дочери⁵.

Несмотря на то, что многие исследователи, в том числе и один из основоположников теории культурной травмы Джеффри Александер, пишут о том, что школы и институты сами испытывают на себе последствия травматического прошлого [2], опыт работы в Сибири и Казахстане наглядно демонстрирует их потенциально определяющую роль в сохранности нарратива репрессий и депортаций. Именно преподаватели сопровождают новое поколение потенциальных агентов памяти на протяжении, по сути, всей первой трети их жизни. Вне зависимости от взаимоотношений с учениками, они неизбежно оказывают прямое или косвенное влияние на формирование их интересов и жизненных ориентиров, а потому было бы крайне неправильно исключать их из числа действующих лиц мемориального процесса.

Агенты-музеееды

Другим не менее распространенным типом профессиональных агентов памяти являются работники разного рода музеев. Важно понимать, что речь идет отнюдь не только об узких специалистах. В условиях активного обсуждения темы репрессий в Сибири и Казахстане, носителями соответствующих знаний оказываются зачастую и обычные краеведы, смотрители сельских музеев. При этом правильным кажется рассмотреть не только тех представителей профессии, которые относятся к числу этнических немцев, но и тех, таковым не являясь, работает с соответствующей тематикой и с этническими немцами контактирует.

Несмотря на то, что большая часть агентов-музеев работает в государственных учреждениях, в отношении них не осуществляется столь строгий контроль, как в случае агентов-преподавателей. Более того, отчетливо наблюдается тенденция: чем дальше экспозиция расположена от крупных городских центров, тем слабее ощущается наличие какой-либо выше стоящей инстанции. Так, шымкентский «Музей жертв политических репрессий» и томская

экспозиция «Мемориала» «Следственная тюрьма НКВД», плотно взаимодействуют с городскими властями и местным краеведческими музеями. Это загоняет их в определенные рамки, ставит перед их директорами финансовые и бюрократические обязательства.

В то же время взаимоотношения многих локальных музеев с областными учреждениями культуры сводятся исключительно к финансовым отчетам. Речь, впрочем, идет не о широкой автономии отдельных учреждений, а скорее об отсутствии широкого интереса к ним со стороны районных властей. Таким образом, подобного рода экспозиции становятся чрезвычайно удобной площадкой для разного рода инициатив отдельных краеведов и местных работников культуры. Кроме того, местечковый характер этих музеев подразумевает неформальное общение между его работниками и местным населением, представителями которого первые зачастую и являются. Это обстоятельство открывает возможность к сторонним инициативам. Так, например, в поселке Кисловка близ Томска, благодаря материалам, предоставленным несколькими немецкими семьями, обычный краеведческий музей обогатился внушительной экспозицией, посвященной годам депортации и послевоенной жизни российских немцев⁵.

В конечном счете, мы вновь имеем дело с человеческим фактором. В отсутствии четких директив начальства или вовсе его бездействия в отношении поддержания дискурса репрессий, подобного рода работа ложится на плечи конкретных музейщиков. При этом важно понимать, что, в силу тех же обстоятельств, никто и ничто не может заставить их выбрать в качестве темы очередной экспозиции именно террор или сталинские депортации. Несмотря на то, что профессия краеведа подразумевает относительную осведомленность ее носителя практически по всем аспектам истории своего региона, краевед все же остается обычным человеком со своими интересами и взглядами. Руководствуясь зачастую пресловутым принципом необъятности необъятного, он, как правило, концентрируется на конкретной теме, уделяет ей большую часть своего рабочего, а порою и вне рабочего времени.

Сибирь предоставляет краеведам и музейным работникам широчайшие альтернативы специализации: помимо тематики репрессий и депортаций они могут заниматься обычаями коренных малочисленных народов, историей шахтерского движения, биографиями местных героев Великой Отечественной войны. Сходные мотивы характерны и для Южного Казахстана, с той лишь только разницей, что тематика репрессий не является здесь нежелательной, а напротив выступает в качестве такого же равно возможного элемента экспозиции, как все выше перечисленные. Впрочем, и здесь в Казахстане, в силу травматического характера дискурса 1930-40-х годов, нередко являются ситуации, когда один из вышеперечисленных мотивов попросту вытесняет сталинский террор из экспозиции местных музеев.

В связи с этим особенно острым вновь видится вопрос об особой заинтересованности музейщиков в недопущении подобного рода процессов. Влияет ли семейная история на выбор специализации музейных работников? Интересным представляется то обстоятельство, что соотношение ангажированных и неангажированных носителей в среде последних, на самом деле, выглядит не столь критичным. Разговоры с отдельными сотрудниками краеведческих музеев показали, что те нередко проявляют поразительную сознательность: не имея в своем роду прямых жертв сталинского террора, они все же подчеркивают особую значимость сохранения памяти о репрессиях в наши дни^{1,2,4}.

Можно найти разные объяснения подобного отношения к проблеме. Во-первых, в сравнении с теми же самыми агентами-преподавателями, агенты-музейщики обладают гораздо более обширным знанием по вопросу. В отличие от других агентов памяти, они тратят на изучение явления гораздо больше времени, их заинтересованность не ограничивается рамками школьных проектов. В связи с этим, они, как правило, располагают в своем сознании более целостной картиной сталинского террора, прекрасно осознают его реальные масштабы. Ярким примером тому может быть уже упоминавшаяся во вступлении карта спецпоселений и лагерей, которую специально для меня отсканировал директор музея города Мыски². Часть условных обозначений были внесены им собственноручно: по его собственным словам некоторые из

стоянок и захоронений обнаружил именно он в результате организованных им небольших разведывательных экспедиций. Да и сам разговор с директором наглядно продемонстрировал степень глубины его знаний по теме: отвечая на каждый конкретный вопрос, он неизменно увлекался и рассказывал мне на порядок больше остальных¹.

Другим ярким примером данного тезиса выступает директор поселкового музея в Кисловке, которая снабдила меня подшивкой литературы по теме. Тираж многих из данных изданий при этом был настолько невелик, что мне каждый раз приходилось переспрашивать, не забираю ли я единственную копию, оставляя музей без ценного экспоната⁵.

Другой возможной причиной столь трепетного отношения к проблеме может быть возраст большей части краеведов и музееведов. Здесь, впрочем, важно заметить, что, не обладая общей статистикой по исследуемым регионам, я могу судить лишь по тем из них, с кем мне приходилось общаться лично. Интересным является то, что период их становления как музейных работников приходится, как правило, на эпоху Перестройки и политики гласности, что особенным образом сказалось на их мировоззрении и сфере интересов. Многие из моих респондентов вспоминая те времена, ассоциируют их в первую очередь с невиданной доселе доступностью информации: двери архивов впервые открылись для широких масс, про репрессии начали писать и говорить много, не боясь последствий. Устроившись работать в музей, мои собеседники получали еще более широкие возможности в изучении интересующих их явлений. Оставаясь широкопрофильными специалистами-краеведами, многие связали с изучением темы репрессий свою жизнь^{1,2}.

Прошло несколько десятков лет, мои собеседники стали старше, некоторые из них продвинулись по карьерной лестнице, став директорами своих музеев. Сохранив в себе живой интерес к событиям тех лет, они, впрочем, не смогли поддержать его среди широких кругов населения. На сегодняшний день стоит констатировать не самый приятный факт: вместе со спадом ажиотажа вокруг тематики сталинского террора, происходит общая потеря интереса к музеям в принципе. Именно поэтому, с течением времени, нормальными явлениями становятся сдача части помещения музея в аренду сторонним организациям, распродажа шуб в холле и выставка детских рисунков ко дню рождения Пушкина в главном зале. По-настоящему ценные экспонаты, уже не способные заинтересовать потенциального посетителя, отправляются в кладовку. Местные сотрудники, когда-то проводившие по несколько экскурсий в день, оседают в служебном помещении за бумажной волокитой. При этом многие из них остаются ценнейшими носителями памяти, интереснейшими собеседниками. Сам факт существования подобного рода носителей-одиночек, коими становятся музейные работники, в глухой к подобной тематике среде отнюдь не гарантирует дальнейшее существование памяти о репрессиях. Подобно лежащему больному, чья жизнь искусственно поддерживается аппаратами, она живет в отдельных краеведческих музеях, не получая должного отклика и понимания со стороны народа.

Подобная тенденция характерна, увы, и для музеев большего масштаба. Так, в одном из крупнейших городов Южного Казахстана Шымкенте Музей жертв политических репрессий, хоть и является одной из ключевых достопримечательностей города, не может похвастаться обильной посещаемостью, а отзывы на сайте характеризуют его как «некачественную халтуру». «Совсем небольшая экспозиция состоит из комичной скульптуры и низкого качества распечаток на баннерах и копий документов. Идти сюда нет никакого смысла», – пишет один из посетителей. Соседний комментарий вторит ему: «Унылый новодел. Распечатка на всю стену карты-картинки из яндекса. Среди пикселей картинку с трудом разберёшь. Экспозиция притянута. Так скорее для галочки» [23].

Агенты-музееведы наглядно иллюстрируют еще одну особенность, особенно характерную именно для профессиональных носителей памяти. Помимо функции трансляции, использованной нами выше для определения данной категории, они, как, впрочем, и другие агенты памяти, концентрируют в себе воспоминания непрофессиональных агентов. В качестве примера уместно будет привести курируемый обществом «Мемориал» томский музей «Следственная

тюрьма НКВД». Его сотрудники рассказывают, что после просмотра экспозиции многие из посетителей стремятся поделиться с музеем историями своих предков, от пострадавших от репрессий. Их рассказы тщательно фиксируются, а после, с согласия информатора, становятся достоянием общественности: вывешиваются на официальном сайте музея, нередко становятся частью экспозиции².

И в Казахстане, и в Сибири музеи выполняют роль своеобразной ниши, открытой для тех агентов, которые хранят свою память, боятся ее потерять, но не готовы доверить ее первому встречному, в силу ее травматического характера. Американский социолог Рон Айерман связывает подобные стремления восстановления дискурса с самим характером культурной травмы, отождествляя ее с процессом, цель которого – «восстановить или перенастроить коллективную идентичность с помощью коллективного представления; это залатает прореху в ткани общества» [1]. Для многих немцев, приносящих материалы о своих семьях в музеи, это практика становится, таким образом, не только актуализацией травматического дискурса, но и возможностью реанимировать свою этническую идентичность.

В городах поменьше подобная практика тоже существует, однако, ввиду отсутствия постоянного потока посетителей, инициатива там исходит уже от самих музейщиков. Они лично приглашают потенциальных респондентов к себе в музей или же беседуют с ними у них на дому. В отличие от своих коллег из Томска и Шымкента они практически не имеют возможности обратить полученные сведения на несведущую аудиторию. Функция трансляции замещается у них функцией хранения памяти, вот только, в отличие от непрофессиональных агентов, они вынуждены хранить не только свои, но и чужие воспоминания. Таковым, безусловно, является уже упоминавшийся музей в Кисловке; про такие коллекции сторонних инициативных личностей мне неоднократно рассказывали и респонденты в Казахстане⁴.

Все вышеперечисленные свойства характеризуют агентов-музейщиков, как своеобразный «эпицентр памяти». Специализация этой памяти, впрочем, варьируется в зависимости от множества факторов: сферы интересов носителя, его политических взглядов и так далее. Нередкими являются случаи, когда сотрудники музеев, несмотря на общую эрудированность, не способны или же даже не хотят поддерживать разговор на тему репрессий. Так, смотритель и одновременно директор краеведческого музея деревни Беково, воспринял мое желание вернуть разговор в русло сталинского террора в штыки. Убежденный приверженец коммунистической идеологии, он охарактеризовал мой интерес событиям тех лет достаточно грубо: «Каждый должен заниматься своим делом». Стержневой мыслью его последующей речи было до боли знакомое по разговорам с другими респондентами аксиома: «Не нам судить о поступках Сталина». Именно поэтому мой собеседник сконцентрировал свое внимание на других региональных проблемах и, в случае ответного интереса с моей стороны, мог бы поделиться со мной весьма богатым материалом².

Таким образом, стоит констатировать, что при качественно различающихся условиях, в которых вынуждены существовать и работать агенты-музейщики, отчетливо выделяются их общие функции и задачи, которыми они наделены в рамках мемориального взаимодействия. Они активнейшие участники дискурса, а в отдельных, отдаленных от центра районах дискурс без них порою просто невозможен.

Выводы

Профессиональные агенты памяти, имеющие выход на широкие слои населения, играют весомую роль в поддержании нарратива травмы. Они не дают теме репрессий остаться предметом рефлексии ангажированного меньшинства. Категория профессиональных агентов неоднородна. Так, в нее входят, среди прочих, учителя и преподаватели в высших учебных заведениях, работники музеев и краеведы. На протяжении своей жизни, практически любой неангажированный индивид контактирует сразу с несколькими профессиональными носителями. Сохранность памяти о репрессиях в регионе, таким образом, зависит от степени влияния

этих агентов. При этом, сами они, как правило, тоже происходят из семей, затронутых репрессиями сталинских лет. Впрочем, важно учитывать, что большая часть подобных агентов, как и все население страны, все-таки зависит от позиции власти.

Заключение

Опираясь на сделанные выводы, можно с уверенностью утверждать – вынесенные в заглавие работы регионы представляют собой пластичное и многоликое мемориальное поле. В наши дни судьбы проживающих на территории России и Казахстана немцев складываются, впрочем, совершенно по-разному. Совокупность объективных факторов, к которым относятся, как официальная политика памяти, так и деятельность отдельных агентов, формирует особенные черты местного мемориального нарратива. Важнейшей задачей, в связи с этим, кажется дальнейшее изучение деятельности профессиональных агентов памяти и дискурса о репрессиях в обоих регионах. Результатом этого изучения может стать выработка эффективного инструментария преодоления травмы памяти.

Примечания:

¹ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Томскую и Кемеровскую области. Июль 2014 г. (информанты: Токмашева Д.; Гейер А.; Хамадияров Д.; Краус А.; Чебелькова Н.; Якучакова Н.; Челухоев В.; Чайковская Е.; Попова Л.; Оноприенко Л.; Дудкина С.; Васильев В.; Майер А.; Ханевич В.; М., 1949; Ж., 1994; Ж., 1992; Ж., 1956.)

²ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Томскую и Кемеровскую области. Ноябрь 2014 г. (информанты: Токмашева Д.; Ханевич В.; Фролов Ю.; Тарасова Е.; Чебелькова Н.; Якучакова Н.; Челухоев В.; отец Александр; Кузнецов А.; Глумов В.; прихожанки церкви «Вера, Надежда, Любовь»; Васильев В.; Дудкина С.; анабаптист Роман; Неунывахина З.; Шнегельбергер Л.; Фрезен Н.; Майер А.; Бенкендорф В.; Лизогуб П.; Круч А.; Лорингель В.; Ж., 1970; Ж., 1954; Ж., Интернат)

³ПМА 3 - Полевые материалы автора. Экспедиция в Томскую и Кемеровскую области. Август 2015 г. (информанты: Ханевич В.; Тарасова Е.; Чебелькова Н.; Кузнецов А.; Васильев В.; Неунывахина З.; Шнегельбергер Л.; Фрезен Н.; Круч А.; Круч В.; Лорингель В.; Лорингель А.; Власова А.; Грос Т.; Раут В.; Макаренко Б.; Майер А.; Ж., 1944; Ж., 1939, Ж., 1946; Ж., 1935)

⁴ПМА 4 - Полевые материалы автора. Экспедиция в Южный Казахстан. Июль 2016 г. (информанты: Бахман И.; Рау А.; Усманова Э.; Дедерер А.; Шепель Е.; Гаук О.; Бартель А.; Попова Е.; Волкова; Процайло; Нургалиева; Ж., 1934.; Ж., 1941.; Ж., 1975, Ж., 1945; М., 1973; Ж. 1965; М. 1994; Ж. 1995; Ж.; 1935)

⁵ПМА 5 - Полевые материалы автора. Экспедиция в Томскую область. Январь 2017 г. (информанты: Гейер А.; Роут А.; Мерк О.; Шесслер А.; Крайсман А.; Крайсман И.; Банземир А.; Иценко А.; Шмидт В.; Эрнст Н.; Дульзон А.; Юркина Н.; Колесников Д.; Завьялова А.; Барсагаев Е.; Шейрман И.; Брейнингер М.; М., 1981.; М., 1979; Ж., 1938; Ж., 1941; Ж., 1987; Ж. 1991; Ж. 1965)

Литература:

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память, М.: НЛЮ, 2016.
2. Александер Д. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
4. Ассман А. Рамки памяти. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: C.H. Beck, 1999.
5. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
6. Гучинова Э-Б. Помнить нельзя забыть. Штутгарт: Ibidem, 2005.
7. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Ab imperio. 2004. № 1.

8. Немцы. Россия. Сибирь: [Сб. ст.] / Ом. гос. ист.-краевед. музей, Сиб. фил. Рос. ин-та культурологии. Сост. и науч. ред. Вибе П. П. Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 1997.
9. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. М.: Новое издательство, 2012.
10. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас, 2005.
11. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 1999.
12. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М, 2001. Глава 2. §3 Семейные реликвии.
13. Российские немцы. 21 век. М., 2011.
14. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения // Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
15. Травма: Пункты. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.
17. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
18. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000.
19. Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования, 2001. № 1.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
21. LaCapra D. History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004. P. 201.
22. История Казахстана. Учебник для 9 класса общеобразовательных школ. Под общей редакцией доктора исторических наук, проф. Б.Г. Аягана. 3-е издание, переработанное. Алматы: Атамұра, 2013.
23. Музей жертв политических репрессий. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g665317-d7021574-Reviews-Museum_of_Victims_of_Political_Repressions-Shymkent_South_Kazakhstan_Province.html.

Никольский Сергей Сергеевич. E-mail: faculty@hist.msu.ru

Дата поступления 23.11.2018

Дата принятия к публикации 10.02.2019

**MEMORY INJURY. PROFESSIONAL AGENTS OF MEMORY AMONG THE
GERMANS OF SIBERIA AND SOUTH KAZAKHSTAN**

DOI: 10.25629/HC.2019.02.05

Nikolsky S.S.

Moscow State University Lomonosov. Russia, Moscow

Abstract. The paper analyzes the current context of the memory of repression and deportations by Germans of Siberia and South Kazakhstan. The source for writing was the field materials of five expeditions 2014-2017. In the course of research certain categories of so-called professional agents of memory have been examined in detail, ethnic features of the memory of repression and memory injury were identified in the designated ethno-cultural group. Such a focus of research is attributable to the need for developing a correct approach to the problem of memory of traumatic past; categorization and characterization of subjects not only storing, but also broadcasting this memory allow in the near future to find the means for talking about this past that are so lacking in modern society.

Keywords: Russian Germans, Germans of Kazakhstan, memory injury, deportation, repression, professional agents of memory.

References:

1. Ayerman R. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat'* [Cultural trauma and collective memory]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016.
2. Alexander D. *Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya* [Meanings of social life: cultural sociology]. Moscow, 2013.
3. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014.
4. Assman A. *Ramki pamyati. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses* [The framework of memory. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses]. München: C.H. Beck, 1999.
5. Assman A. *Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New discontent with memorial culture]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016.
6. Guchinova E-B. *Pomnit' nel'zya zabyt'* [Remember can not be forgotten]. Stuttgart: Ibidem, 2005.
7. Judt T. "Mesta pamyati" P'yera Nora: CH'i mesta? CH'ya pamyat'? ["Places of Memory" Pierre Nora: Whose places? Whose memory?]. *Ab imperio*. 2004. № 1.
8. Nemtsy. Rossiya. Sibir' [Germans. Russia. Siberia]. In Vibe P.P. (ed). Omsk: Omsk State Museum of Local History, 1997.
9. Nitkhammer L. *Voprosy k nemetskoy pamyati* [Questions to the German memory]. Moscow: New Publishing, 2012.
10. Nora P. *Vsemirnoye torzhestvo pamyati* [World celebration of memory]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2005, 2-3(40-41).
11. Nora P. *Frantsiya – pamyat'* [France – memory]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1999.
12. Razumova I.A. *Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Gen. Folklore. Story]. Moscow, 2001. Chapter 2. Family relics.
13. *Rossiyskiye nemtsy. 21 vek* [Russian Germans. 21 century]. Moscow, 2011.
14. Santner E. *Istoriya po tu storonu printsipa naslazhdeniya. Travma: punkty* [History beyond the principle of pleasure. *Injury: points*]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009.

15. Trauma: Punkty [Injury: Points]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009.
16. Halvvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenny zapas*. 2005. No. 2-3.
17. Halvvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social memory framework]. Moscow: New Publishing, 2007.
18. Hobsbaum E. Izobreteniyе traditsiy [The invention of traditions]. *Vestnik Yevrazii*. 2000.
19. Sztompka P. Sotsial'noye izmeneniya kak travma [Social change as a trauma]. *Sotsiologicheski issledovaniya*. 2001. No. 1.
20. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of social change]. Moscow: Aspect-Press, 1996.
21. LaCapra D. *History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004. P. 201.
22. *Istoriya Kazakhstana. Uchebnik dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh shkol* [History of Kazakhstan. Textbook for grade 9 secondary schools]. In B.G. Aagana (ed.). 3rd ed. Almaty: Atamura, 2013.
23. Muzey zhertv politicheskikh repressiy [Museum of victims of political repression]. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g665317-d7021574-Reviews-Museum_of_Victims_of_Political_Repressions-Shymkent_South_Kazakhstan_Province.html.

Nikolsky Sergey Sergeevich. E-mail: faculty@hist.msu.ru

Date of receipt 23.11.2018

Date of acceptance 10.02.2019